

Елена Шварц ИЗ 40-ГРАДУСНЫХ ПЕСЕН

1996 №5 Анкетные данные Елены Андреевны Шварц могли бы добыть инквизиция, чека, гестапо или сонм "руых девушек в кофточках белых", черных юбках во главе с обер-бабой Глушковой, нам же, обыкновенным читателям, достаточно книг (в России их уже пять), в которых Елена ничего о себе не скрывает:

Отростки роговые на ногах -
Воспоминанье тела о копытах...

Если предположить, что поэзия - соревнование, то я отдаю лидерство в этой нелепой гонке Шварц. И не потому, что она женщина. А потому (икнулось ли Олесе Николаевой?), что она (да, да! - перекреститесь, Олеся!) - черт.

Когда лечу над темною водой
И проношусь над черными лесами,
Нет у меня в карманах ничего -
Табак в размешку с русскими стихами.

Может быть, И. Саморукова в словаре "Цирка "Олимп" раскроет нам значение понятия "Апокатастасис", я же пока рекомендую любопытствующим "Вид на существование, или Путь через кольцо" Елены Шварц ("Волга", №№ 9-10 за 1992 год), где сказано: "Человек лишь другое название беса". Что же касается разных конвенций, групп, направлений, команд, то куда бы ни пытались пристроить критики Шварц, она давно всем ответила:

Лечу пред Богом одиноко.

К.П.

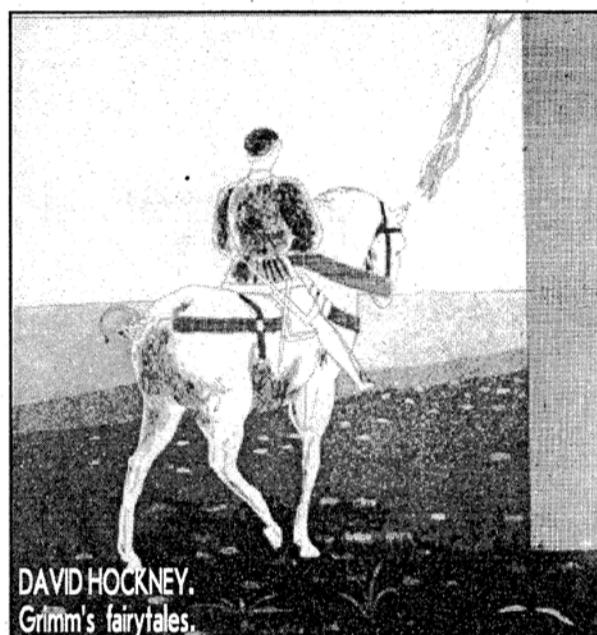
* * *

Все мне что-то мерещится, мрычится, мрочится - То как будто меня выметает метлою уборщица, И лежу, утонув средь гниющего теплого сора, Униженье вкуси, упоенье позора.

То кружатся вокруг чьи-то огненно-светлые лица, То сама я лежу - как большая чужая столица. И в крови моей кружатся ваньки в иссиних шубейках И от мозга до сердца берут за проезд три копейки.

То лечу я вертаясь в голубую седую воронку, То мной, тусклой и звонкой,

мальчик играет в орлянку
И себе расшибает до крови коленку,
То мной бьют головой о чугунную
стенку.
То под чьим-то ногтем умираю я
черной крупинкой, -
Все мороки и морок и черные круглые
свинки.

* * *

Прижав
к губам
Бутылку как трубу
Нутро пою
И внутрь пою
И ввысь воплю -
О би - ба - бо!
О буль - буль - буль!
Я боль убью,
Мы боль убьем.
Я по ребрам-бревнам
замшелого сруба
как по веткам
промокшего дуба
со свечой - она темная эта дорога
- в мозг-погреб Бога.
Вот скользнула в лаз.
Там мне смотрят в глаза
мой заплеванный,
вмятый в грязь
третий глаз.

ЛЕСТИЦА С ДЫРЯВЫМИ ПЛОЩАДКАМИ (Три фрагмента)

1.
Идешь и песенку свистишь
Простую и не из учених:
"Поедет мой дружок в Париж
И разных привезет парфенов".
Parfum? Я говорю - Парфен.
Парфен? Ну уж тогда Рогожин.
Каким огнем насквозь прожжен
При кучерской такой-то роже.
Когда несешь большую страсть
В самом себе как угль в ладонях,
Тогда не страшно умирать,
Но страшно жить необожженным.
Тогда все в плесени. Из окон тянет
лепрой
Такою сладкою и воздух шаток,
Когда родишься сразу пеплом,
То кажешься себе немного виноватым.
Но из захламленного ада
Все кто-нибудь зовет. Зови!

Мне раз в полгода слышать надо
Признанье хоть в полулюбви.

2.

Колкий лед звезд,
Гуденье огня мирового,
Построй через холод мост
И стань саламандрий снова.

Боли бомбой человек
До времени себе пасется,
А подожгут фитиль -
Она взорвется
Тоскою черною, черней инферна.
И покатишься головой Олоферна -
В боль.
А казалось, Юдифь, ты меня
любила,
Ласкала. Жизнь, ты меня молоком
поила,
Целовала. Но меч свой точила
И в крови моей прятала, зарывала
И вот - взмахнула,
И вспыхнул мой язык как от
бензина,
Спасаясь от тебя - я убегу огнем,
Юдифь, о жизнь, зачем ты
тильотина
С машинным и мясницким секачом?

3.

Я воин, я - солдат. Взрывать, колоть
И убивать себя - моя работа:
Я - камикадзе, втиснутый во плоть,
Она мне вместо самолета.

Внизу сверкал подножью луной,
Омыты ливнями до белизны
фарфора
Адамов череп - под землей,
С отпавшей челюстью -
Трехзубой перевернутой короной.
Уже божественною кровию смытый,
Но не одетый, все еще зарытый.

Среди созвездий я металась долго -
Туда-сюда, без смысла и без толка,
В одежде грязной,
С кепкой нечесаных волос,
С глазами красными, клыками изо
рта
И задавала встречным надоеvши
От века всем больной вопрос.
Но ангел встал, дрожащий как
струна:
"О счастье ль речь, когда идет
война?"

Вот латы, вот труба, вот лук,
Лети к дракону вниз, туда - на луг.
И помни же всегда, что воин Бога
Себя жалеть не должен очень
много".

* * *

Из трупа иудейского народа
Добыла порошок слепящий - желчь,
С славянской мягкостью смешала, с
небосвода
Душа слетела - молнией чрез печь.
На тряпье языков, на фундаменте
грязном
Вырастает двойник твой, не ты же
сама.
Восхищенье прилипчиво, обожанье
заразно,
После смерти плодятся они как
чума.